

ЗАДОНЩИНА.

Путевые очерки и наброски: чумные поля; цивилизованный калмыкъ; саранча; казаки „полонт“ пропиваютъ; кутимъ, ребята!...

Подъ Задонщиной я разумѣю степное пространство между рѣками Саломъ и Манычью, ту часть южнорусскихъ степей, въ предѣлахъ которой Владиміръ Мономахъ, въ 1111 году, такъ лихо разбилъ „поганныхъ половцевъ“, тогдашнихъ обитателей этой мѣстности, что даже папа римскій похвалилъ его за удалъ, хотя ни эта удалъ, ни подвиги послѣдующихъ дѣятелей отечественной исторіи не избавили Задонщины отъ владычества грубыхъ кочевниковъ, до сихъ поръ непросвѣщенныхъ свѣтомъ христіанскаго ученія... Равнина. Вдали показался всадникъ. Только калмыкъ да еще казакъ могутъ сидѣть на лошади такъ ловко, такъ естественно, что человѣкъ и лошадь кажутся однимъ нераздѣльнымъ существомъ! Но это калмыкъ,—опъ, навѣрное, остановится на вершинѣ какого-нибудь кургана, осмотритъ степь вокругъ и, какъ стрѣла, скроется за горизонтомъ: по всей вѣроятности, онъ ищетъ отбившагося отъ табуна молодого жеребца, который умчался въ степную даль, чтобы укрыться отъ жестокихъ обидъ своего ревниваго родителя..... Дѣйствительно. Калмыкъ поднялся на вершину высокаго кургана и остановился тамъ, неподвижный какъ монументъ.

Сайги, эти граціозные оленекозы юго-восточной Россіи, вытянувшись въ од-

ну линію, другъ за дружкой, быстро перерѣзывали мнѣ путь и неслись къ западу по направленію къ казачьимъ хлѣбнымъ посѣвамъ. „Быть потрафѣ великой!“ подумалъ я, залюбовавшись живой линіей изъ нѣсколькихъ сотенъ особей, несущихся прямо предо мной и положительно игнорирующихъ мое присутствіе. Наконецъ, только узкая лента примятой травы свидѣтельствовала, что здѣсь пробѣжало стадо сайгъ, именно—*пробѣжало*, потому что во время пасбища сайги бродятъ нестройной толпой, точъ въ точъ какъ впереди, немного подальше, пасется другое стадо сайгъ, въ которомъ старше самцы, чередуясь между собою, стоятъ неподвижно и зорко наблюдаютъ за всѣмъ, что происходитъ въ степи. Человѣкъ они не боятся, потому что человѣкъ этой степи—калмыкъ, исповѣдникъ Будды.... Религія запрещаетъ ему убивать животныхъ; онъ употребляетъ въ пищу только *маханъ*, мясо павшихъ животныхъ, а если для этой цѣли и убиваетъ корову или лошадь, то дѣлаетъ это только по особому разрѣшенію *целона*—жреца, которому приносится въ даръ лучшая часть убоины....

А вотъ и еще непремѣнный членъ степного населенія—дудакъ или дрофа. Эта птица не охотно летаетъ здѣсь. При видѣ подозрительнаго предмета, она старается отойти отъ него на приличное, по ея мнѣнію, разстояніе, не далѣе, впрочемъ, ружейнаго выстрѣла—и только! Между тѣмъ какъ тотъ же самый дудакъ, ближе къ Дону, гдѣ

начинаются казачьи поселенія и куда я направляю свой путь,—тамъ онъ чрезвычайно остороженъ. А здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, цѣлое стадо дудаковъ, какъ стадо барановъ, спокойно похаживаютъ взадъ и впередъ, по временамъ на мгновеніе останавливаясь, когда моей лошади вздумается фыркнуть,—дудаки какъ будто изумляются, что какой-то пришлецъ дерзаетъ нарушать ихъ покой!...

Я у степной рѣки съ сильно болотистыми берегами. Густой камышъ, покрывающій ее, выдѣляется въ степи безконечной темнозеленой змѣйкой! Камышъ—безопасный пріютъ для дикихъ утокъ. Но вода рѣки, на плесахъ свободная отъ камыша, чистая и прозрачная на видъ, не по вкусу людямъ: она горькосоленая, жгучая, съ непріятнымъ запахомъ. Куда течотъ эта рѣка—въ Саль или въ Маныч?... Въ Салу вода тоже соленая, но весною ее можно пить; въ Манычи она никогда не годна для питья. Въ Манычи ежегодно, особенно въ жаркое лѣто, происходитъ неистощимый осадокъ чистой соли, а ея цѣлебныя минеральныя грязи, при умѣлой эксплуатациі ихъ, могли бы обогатить и оживить всю Задонщину, въ которой, кромѣ того, подъ почвой сохраняются нетронутыя залежи антрацита, на почвѣ пасутся безчисленныя стада рогатаго скота, овецъ и табуны лошадей, а вонъ у тѣхъ холмовъ, что виднѣются въ сѣверозападной сторонѣ горизонта,—тамъ нетронутая желѣзная руда!

Тамъ же, говорятъ, и мѣдь обрѣтается, и ртуть можно найти.... Для дорогъ, фабрикъ и заводовъ всѣ матеріалы подъ рукой!

Таково здѣсь отношеніе человѣка къ природѣ въ настоящее время; таковымъ же оно было и въ эпоху Владиміра Мономаха, и въ эпоху Игоря Святославича, водившихъ сюда свои храбрые полки и „преломившихъ свои копья конецъ поля половецкаго“! Скоро ли настанетъ то время, когда эта первобытная степь изрѣшется артезіанскими колодцами, покроется сѣтью желѣзныхъ дорогъ; когда ея почва, уже много вѣковъ назадъ тому удобренная кровью и плотью русскихъ людей, разукрасится тучными нивами; когда зацвѣтутъ здѣсь богатые станицы и, вмѣсто заунывной пѣсни дикаря, тоскующаго надъ смертью пчелы у полевого цвѣтка, эта степь огласится осмысленной думой пахаря, рудокопа, фабричнаго и заводскаго рабочаго? Долго ли еще дикій калмыкъ на высокихъ курганахъ Задонщины будетъ изображать собою живой памятникъ жизни минувшихъ вѣковъ?...

Нѣсколько часовъ ѣзды—все тѣ же картины! Полдень, невыносимо жарко. Неужели вся степь такъ однообразна?... Предо мной открывается не совсѣмъ обыкновенная картина. Огромное пространство степи усыяно трупами быковъ и коровъ. Между трупами пасется живой скотъ, изъ среды котораго нѣсколько штукъ съ ужасающимъ ревомъ падаютъ въ предсмертныхъ кон-

вульсіяхъ.... Это жертвы эпизоотіи—чумы рогатаго скота! По краямъ зачумленнаго поля медленно разбѣгаютъ всадники. Это казаки. Они держатъ *заставу*—и ни одно, хотя бы на видъ и здоровое животное не уйдетъ съ этого поля, надъ которымъ уже летаютъ стаи воронъ и коршуновъ... Минувши это новое поле чумы, я очутился въ полѣ чумы старой, памятникомъ которой служатъ многочисленныя груды костей. Черезъ него осторожно пробирается по направленію къ страдающимъ животнымъ голодный волкъ... а ночью тайкомъ проберутся туда калмыки, и небо будетъ свидѣтелемъ страннаго зрѣлища: люди, съ ножомъ въ рукахъ, станутъ оспаривать падалъ у дикихъ звѣрей!...

Еще часъ монотонной верховой ѣзды. Полное отсутствіе тѣни. Губы сохнутъ, лошадь выбивается изъ силъ... Наконецъ, что то замелькало вдали. Это одинокая калмыцкая кибитка. Значитъ, вода близко.... значитъ, можно не опасаться солнечнаго удара....

— Uj, mende! Usun bejne? спросилъ я, остановившись около кибитки: ай, кто тамъ! Вода есть?

— Uga! cıcık bejne! отвѣтилъ мнѣ слабый, но пріятный гортанный голосъ: нѣтъ! здѣсь оспа!...

— А! произнесъ я: значитъ живъ еще.

— Narr! arka bejne—é, uruss? слышалось изъ кибитки насмѣшливое предложеніе: постой! водка есть—хочешь, русскій?

Водка и сифилисъ эти непремѣнные атрибуты цивилизаціи успѣли уже проникнуть во всѣ уголки калмыцкихъ кочевій и произвести тамъ присущее имъ дѣйствіе. Но оспа—ужаснѣйшій бичъ для калмыковъ. Они мрутъ отъ нея цѣлыми сотнями. Поэтому, часто случается, что заболѣвшаго оспою они бросаютъ на произволъ судьбы, а сами взваливаютъ свои кибитки съ пожитками на верблюдовъ и откочовываютъ въ другое мѣсто, оставивъ при больномъ, въ числѣ пищи и питья, *фляжку водки*—неизбѣжное лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней. Вотъ на такой-то случай я и наткнулся теперь.

Я сошелъ съ лошади и перешагнулъ черезъ высокій порогъ кибитки. На циновкѣ изъ болотнаго чакану лежалъ молодой калмыкъ, въ синей толстой рубахѣ и въ штанахъ изъ верблюжьяго сукна. Голова его покоилась на цилиндрической азіатской подушкѣ изъ краснаго сафьяну, набитая конскимъ волосомъ; въ ногахъ валялся бараній тулупъ; посреди кибитки стоялъ потухшій очагъ съ золою отъ коровьяго помета, обычнаго топлива въ степи; тутъ же лежала большая кожаная фляжка съ водкой и нѣсколько бутылокъ кумысу; на стѣнѣ, прямо противъ входа, висѣла лошадиная узда, кистетъ съ табакомъ и трубкой и домашніе пенаты.... Въ головахъ больного стояло деревянное ведро, около ведра возвышалась горка изъ кусковъ засушеннаго лошадиного мяса. Бадьма—имя больного—повидимому, находился

на пути къ выздоровленію. Оспенный язвы почти не тронули лица его, которое, не смотря на чистый монгольский типъ, казалось весьма недурнымъ.

— Теперь мнѣ ничего—говорилъ онъ, между прочимъ, чистымъ русскимъ языкомъ,—а прежде было очень плохо: я чувствовалъ тоже самое, что чувствуетъ *Бередте*.... это сказочное существо, обладающее брюхомъ величиною съ гору *Семер-ула*, которая находится въ центрѣ міровъ,—что долженъ чувствовать Бередте, окруженный обиліемъ пищи и питія и немогуцій насытиться, потому что горловое отверстіе его не больше отверстія игольного уха, то чувствовалъ и я.... Водки я не пью, вода—вонъ посмотрите въ ведрѣ: можно ли назвать эту гадость водою? Сухое мясо не угрызешь, сварить его—силъ не было, воды не было...

— Дѣйствительно, вода испортилась и обратилась въ какую-то вонючую жидкость.

— А я пилъ ее! продолжалъ Бадма: такая вода хоть какое горло съюзитъ до величины игольного уха... Спасибо Цедекъ (цвѣтокъ) привезла сегодня кумысу и борцуковъ (хлѣбныя лепешки на коровьемъ маслѣ).

— Кто это Цедекъ, ваша жена? спросилъ я у Бадмы.

— Имя моей жены Ноха, что значитъ *собака*!.... Если она еще не вышла за мужъ, по случаю моей болѣзни, то тѣмъ хуже для нея: я все равно про-

гону ее и женюсь на Цедекъ.... Я давно хотѣлъ жениться на Цедекъ, да отецъ помѣшалъ.... Она не испугалась оспы, она выѣхала ко мнѣ одна, ночью... Теперь она поѣхала къ фельдшеру прививать себѣ оспу—въ станицу поѣхала, тамъ и азбуку себѣ купить: я буду учить ее грамотѣ, она просила....

— Вы гдѣ учились? спросилъ я, давно замѣтивши въ немъ весьма солидное для калмыка образованіе.

Въ к—омъ окружномъ училищѣ (равное уѣздному). Я окончилъ курсъ первымъ ученикомъ, и какъ только выздоровѣю—женюсь на Цедекъ, продамъ часть принадлежащаго мнѣ скота и поѣду вмѣстѣ съ Цедекъ въ Новочеркасскъ.... поступлю тамъ въ учительскую семинарію и сдѣлаюсь учителемъ: хочу своихъ земляковъ поучить уму-разуму,—самъ, на свои средства, открою школу въ своемъ улусѣ, если правительство не предупредитъ меня!...

Мы распили бутылку кумысу. Бадма объяснилъ мнѣ, гдѣ я могу найти менѣе соленую воду, чтобы напоить лошадей и наполнить ведро свѣжей водой про запасъ ему, больному.

— Это на всякій случай, добавилъ онъ: хотя Цедекъ и общала къ вечеру опять пріѣхать ко мнѣ, но вѣдь русскіе не даромъ говорятъ, что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ.... Я принесъ воды, сварилъ нѣсколько кусковъ засушеннаго лошадинаго мяса; у меня оказалась изрядная краюха хлѣба, такъ

что мы пообедали съ нѣкоторой роскошью. За обѣдомъ у насъ шла бесѣда о чумѣ.

— Кочевой образъ жизни, говорилъ Бадма, наша скрытность и привычка побѣждать павшій отъ чумы скотъ, а кожи его употреблять для домашняго обихода,—все это благопріятствуетъ сохраненію и распространенію чумнаго яда, и чума у насъ не переводится... Здѣсь нѣтъ никакой возможности искоренить чуму одними ветеринарно-полицейскими мѣрами...

— Чего же не достаетъ; по вашему? полюбопытствовалъ я.

— Не достаетъ школы! поспѣшно отвѣтилъ онъ. Посредствомъ ярмарокъ въ русскихъ селеніяхъ чума распространяется по всему югу Россіи, если не дальше...

— Какъ же это случается, вѣдь на ярмарки не допускаютъ скота во время чумы? переспросилъ я цивилизованнаго калмыка, который замѣтно волновался по этому поводу.

— Не допускаютъ?!... Знаю я, какъ не допускаютъ!

Онъ помолчалъ нѣсколько минутъ, а потомъ продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ.

— И при этомъ часто случается, что чума въ началѣ окрестныхъ ярмарокъ вдругъ прекращается, а потомъ снова появляется съ удвоенной силой... Да! школа необходима и намъ калмыкамъ, и вамъ русскимъ: я не вижу разницы между калмыкомъ, плодящимъ

чуму посредствомъ укрывательства больного скота, и между казакомъ, напримеръ, который по секрету отъ начальства провозитъ „со службы“ сифилисъ, чтобы подарить имъ родную семью...

День склонялся къ вечеру, когда я распрощался съ покинутымъ калмыкомъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, спустя нѣкоторое время—это какое то облако на краю горизонта, словно туча дождевая... Черезъ полчаса я убѣдился, что это была саранча, надъ верховымъ облакомъ которой носились стаи кобчиковъ, скворцовъ и другой мелкой птицы. Саранча летѣла такою густой массой и такъ стремительно, что я принужденъ былъ скрыть свое лицо за шеей лошади, которая сама собою повернулась задомъ на встрѣчу полета насѣкомыхъ и остановилась какъ вкопанная. Я чуть не вскрикивалъ отъ боли, когда тысячи насѣкомыхъ наталкивались на меня при полетѣ и барабанили по моей спинѣ, словно градъ по оконнымъ стекламъ...

Наконецъ, пытка подъ саранчей окончилась, и впереди меня зеленѣютъ сады казачьей станицы. По всей Задонщинѣ, кромѣ какъ въ казачьихъ станицахъ и хуторахъ, вы не встрѣтите ни одного деревца. Но гдѣ поселился казакъ, тамъ непременно будетъ садъ и огородъ, а въ праздничный день казачка немислима безъ цвѣтовъ—стало быть, при огородѣ и цвѣтникѣ необходимъ. Гдѣ поселилось два казачьихъ семейства, тамъ непременно... и кабакъ бу-

детъ! На встрѣчу мнѣ бодрой рысцой на лихомъ скакунѣ ѣдетъ всадникъ—калмычекъ, очевидно пеголиха. На ней шапка изъ желтаго сукна въ формѣ квадрата, по срединѣ котораго болтается густая кисть изъ яркочерныхъ шелковыхъ нитокъ; околышъ шапки разукрашенъ мелкимъ бисеромъ, въ ухахъ массивныя серебряныя кольца, косы спрятаны въ длинные изъ чорнаго бархату чехлы; сверхъ бѣлой полковой сорочки безъ ворота и бархатнаго чорнаго корсета надѣтъ бешметъ, родъ кафтана изъ ярко-пестрой парчи съ голубой шелковой подкладкой; на шеѣ цѣлый магазинъ монистъ изъ стѣкляруса, пересыпаннаго золотыми и серебряными монетами; на ногахъ сапоги краснаго сафьяну; штаны изъ пурпуроваго бархата стянуты у талии широкимъ ремнемъ съ массивнымъ серебрянымъ наборомъ; на ремнѣ болтается пестрый кисетъ съ табакомъ и шелковый носовой платокъ цвѣта зрѣлаго колоса ржи; въ зубахъ деревянная трубка съ золотой насѣчкой, набитая *махоркой*. Однимъ словомъ, это была степная львица, лицо которой.... ну, лицо, разумеется, калмыцкое! На видъ ей было лѣтъ 18—19. При встрѣчѣ я поклонился. Она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня, потомъ покраснѣла—несмотря на то, что выглядѣла львицей—вынула трубку изо рта и сказала по-русски: „здравствуй“!...

— Должно быть, Цедекъ! подумалъ я.

— Не правда ли, вѣдь Цедекъ! кра-

савица? слышался мнѣ знакомый голосъ.

Со мною поравнялся красивый молодой казакъ, въ военномъ костюмѣ, съ кожанной сумкой черезъ плечо. Лошадь его была вся въ мылѣ отъ поту.

— А, Владиміръ! откуда вы? обрадовался я старому пріятелю.

— Да-вотъ отецъ этой красавицы—онъ указалъ по направленію удаляющейся Цедекъ—сказалъ мнѣ, что ея возлюбленный, ради котораго она ушла отъ своего мужа—старый пьяница и воръ, при этомъ—ея возлюбленный брошенъ въ степи... оспа напала. Такъ я къ нему свои харчишки завозилъ. Славный товарищъ! я съ нимъ въ окружномъ училищѣ вмѣстѣ учился...

— Да дорога то ваша откуда? перебилъ я его.

— А изъ окружной станицы! съ „бумагами“ посылали...

— Стало быть, сидѣлочную повинность отбываете?

— Да, отбываю...

Въ послѣдній годъ, передъ наступленіемъ совершеннолѣтія казаки обязаны отбывать такъ называемую сидѣлочную повинность, которая состоитъ въ томъ, что соотвѣтствующіе возрасту казаки—„малолѣтки“ раздѣляются на группы и каждая группа, по очереди, должна находиться при станичномъ правленіи для исполненія обязанности сторожей, для посылокъ и проч. На сидѣлочную повинность являются, за рѣдкими исключеніями, въ полномъ во-

енномъ парадѣ, который исправляется казаками на „свой счетъ“: строевая лошадь съ обычной сбруей, мундиръ, шапка и проч.

— Ну, рассказывайте, Владиміръ, что новаго у васъ въ станицѣ?

— Да что? пьяны, должно быть, всё!

— Это съ какой же радости?

— *Полонъ пропиваютъ...*

— Я васъ не понимаю, Владиміръ.

— Да тутъ и понимать то нечего! Встарину, когда мы замѣчали, что зипуны у насъ поизносились, или что намъ пображничать пора—мы поголовно снаряжались въ Туретчину или на Волгу зипуны добывать... Теперь мы зипуновъ не добываемъ такимъ манеромъ, за то—видите вотъ тотъ ручей? Черезъ него нужно было сдѣлать мостъ на сѣнокосъ,—ну и маршъ на работу вся станица! А кто не былъ на работѣ, то бывшіе на ней, на возвратномъ пути, по приказанію атамана, заходили къ нимъ на дворы, брали тамъ, что попадется: колесо съ воза, полсть, ведро, хомутъ—и все это тащили въ станичное правленіе. Хозяева этого „полона“ выкупали свои вещи за гривенники и двугривенные... Вотъ эти то деньги и пропивали вчера сообща, а нынче похмѣляются.

— А что на счетъ земства? спросилъ я: ваша станица не подумала еще принимать его? Въ другихъ станицахъ оно принято уже...

— Нѣтъ, не надумала! отвѣтилъ Владиміръ и даже рукой махнулъ въ

знакъ того, что объ этомъ и разговаривать не стоитъ.

Я перемѣнилъ разговоръ.

— Что какъ у васъ урожай? спросилъ я: можно похвалиться въ нынѣшнемъ году?

— Сначала, по веснѣ, порадовалъ было, отвѣчалъ Владиміръ, не хотя; а потомъ засуха.... съ Каспія Сайгаковъ набѣжаловидимо-невидимо, сильно истребляютъ посѣвы, особенно бакши.... Тутъ сусликъ обижаетъ, окаанный жучокъ нивѣсть отколѣ проявился, саранча вотъ прилетѣла!... Мнѣ скоро „на службу“ нужно, а тутъ.... отецъ старъ и попиваетъ изрядно, мать больна, братишка малъ еще, сестренки....

Онъ вдругъ замолчалъ, и я не сталъ больше спрашивать его.

При вѣздѣ въ станицу, мы увидѣли сѣдого казака, спящаго подъ плетнемъ. Лицо его облизывала собака....

— Черезъ чуръ похмѣлился! замѣтилъ Владиміръ, указывая на старика.

— Далѣе, въ проулокъ поворачивала толпа полураздѣтыхъ дамъ, которыя, какъ видно было, успѣли „поговорить по душѣ“ и съ дамской пронытельностью выкрикивали казачью пѣсенку.

Колибъ мнѣ младай ворона коня,
Я бы вольная казачка была!
Скакала-бъ—плясала полугамъ,
По зеленымъ лѣсъ-дубровушкамъ,
Съ Донскимъ съ молодымъ казакомъ,
Съ разудалымъ добрымъ молодцомъ!...
Ахъ ты, миленькій раздущечка казакъ!
Что не ходишь, что не жалуешь ко мнѣ?..

— Вы, разумѣется, къ Николаю Семеновичу? спросилъ меня Владиміръ.

— Да, къ нему отвѣчалъ я.

— Такъ заѣдьте на минутку въ правленіе, а потомъ вмѣстѣ къ Николаю Семеновичу: я квартирую у него.

— Хорошо, согласенъ. Что онъ здоровъ?

— Теперь будто здоровъ, а вотъ прежде—я по воскресеньямъ ходилъ къ нему изъ хутора за газетами, такъ онъ хворалъ все.... Оно и понятно: учительство дѣло не легкое—до обѣда въ школѣ надрывается, а послѣ обѣда у попа часа три или четыре...

— А у попа что же онъ дѣлаетъ?

— Да то же надрывается! сына его готовить въ гимназію, и получаетъ за это удовольствіе въ мѣсяцъ деньгами два рубля, мѣшокъ сухарей, да три десятка яицъ,—плата не ахъ-ти какая! Жена его, Анна Васильевна, то же не сидитъ, сложа руки—учить дѣвочекъ грамотѣ, да руководѣльямъ разнымъ, по двугривенному въ мѣсяцъ съ души беретъ,—то же рубля два выручаетъ... Славная женщина! Послѣ Николая Семеновича я люблю ее больше всѣхъ! Впрочемъ, что же это толкую вамъ? Вѣдь вы сами знаете ее не хуже меня...

— Да, Владиміръ, вы правы: знать Анну Васильевну и не полюбить ее не возможно, отвѣтилъ я на его реплику, чему онъ несказанно обрадовался.

Мы привязали своихъ лошадей къ столбу около станичнаго правленія и вошли во внутрь зданія. Тамъ въ передней комнатѣ собралась толпа сидѣльцевъ. Всѣ они, по словамъ Владиміра,

были жители сосѣднихъ хуторовъ. Въ ожиданіи приказаній писаря, они бесѣдовали между собою, какъ мнѣ показалось, о положеніи дѣлъ въ родномъ краю.

— А что, братцы, послѣ нѣкотораго молчанія заговорилъ дюжій широкоплечій „малолѣтокъ“, истый типъ казака,—что ежели бы султанъ, къ примѣру, али король какой прислалъ бы къ намъ своего ходока: вотъ молъ вамъ, други милые, атаманы-молодцы, цѣлая украина съ рѣками и озерами—распоряжайтесь молъ, кубыть полные хозяева! то то бы загудѣлъ тихій Донъ!...

— Ври больше, Тимоха! отвѣтилъ ему Владиміръ: ты прежде скажи намъ, есть ли въ твоей украинѣ турецкой земство да засѣдатели?

— А что? изумился Тимоха.

— Да то-то жъ! Можетъ быть тамъ и полицейскихъ урядниковъ нѣтъ? Тамъ, смотри, безъ начальства живутъ? возражалъ Владиміръ.

— Ну, съ начальствомъ, положимъ... что же съ того?

— А если съ начальствомъ, такъ Дону и гудѣть то не съ чего! Порядокъ вездѣ нуженъ, а вотъ у насъ то его обмалковато... Кабы дурни не слушали мутителей, да земства не прогоняли отъ себя, такъ и мы бы вотъ не торчали здѣсь по пусту... Насъ тутъ шесть человекъ, а работы—и одному дѣлать нечего! Лучше бы наймиту деньги заплатить, чѣмъ самому болтаться тутъ, а дома работа ждетъ!...

— Глупъ ты, Владиміръ, какъ я посмотрю на тебя! перебилъ его Тимоха; а еще въ окружной школѣ учился, съ учителемъ въ дружествѣ состоишь, и на учительшу облизываешься!... Работа другъ ты мой сердечный, не медвѣдь—въ лѣсъ не побѣжить, а здѣсь намъ—малина! пей-гуляй, сколько душа возьметъ! Да и ты, смотри, радъ-радепенекъ лишній разъ поцѣловаться съ учительшей!...

— На счетъ учительши, Тимоха, я бы совѣтывалъ тебѣ попридержать языкъ за зубами...

— Фу ты! какой обидчивый!...

— Гляди, какъ бы я по разсѣянности какъ-нибудь не потревожилъ тебѣ твое прекрасное личико... Пить гулять мы мастера, да карманы то у насъ пусты!...

— У тебя не попросимъ! отвѣчалъ Тимоха. Вчера, братцы, обратился онъ къ остальнымъ товарищамъ, наши полонъ пропивали, а нынче у попа похмѣлялись, и я тамъ былъ—атаманъ приказалъ быть у батюшки на посылкахъ... Ну, да и штуку же удралъ нашъ атаманъ—молодецъ, ей богу! У матушки попадьи—важная баба, доложу я вамъ—во!...

Тимоха развелъ руками, какъ будто хотѣлъ печь или цѣлую гору обнять.

— У матушки, продолжалъ онъ, нечаянно пазуха разстегнулась, а въ ту пазуху... атаманъ нашъ, значитъ, того—не честно повелъ себя... Матушка была выпимши. Попъ не стерпѣлъ—

тоже крѣпко выпимши былъ—сейчасъ это хватъ атамана за бороду, а тотъ ему въ косу впутлялся, и пошла катавасія! шумъ! пискъ!... А я тѣмъ временемъ не промахъ былъ: взялъ я, братцы мои, и уперъ цѣлую баклажку вина да пять бутылокъ водки—на квартиру станцилъ, я живу у просвирни, отъ попа рукою подать... Просвирня моя съ радости ужъ успѣла нарѣзаться!...

— Молодецъ, Тимоха! закричали „малолѣтки“ въ одинъ голосъ: не достаеъ только живности! Давайте, братцы, канаться—кому воровать курицу, кому поросенка?...

— Кутимъ, ребята!

— Кутимъ, кутимъ!

Начали канаться на шапкѣ, кому какую живность воровать.

— Значить, завтра, обратился ко мнѣ Владиміръ, начнется новое пьянство: атаманъ съ попомъ будутъ мировую запивать, имъ не впервой входить въ недоразумѣнія!...

— А этимъ господамъ такъ и пройдетъ прошедшее и грядущее воровство? указалъ я на сидѣльцевъ.

— Разумѣется пройдетъ: тоже не впервой!...

„Малолѣтки“ волновались по поводу предстоящей попойки.

— Аксютку къ чорту! не надо ее! лучше Дуньку! кричалъ Тимоха.

— Зачѣмъ къ чорту? Пусть и Дунька, и Аксютка, Фейька тоже... веселѣй будетъ! порѣшили золотушный казачонокъ.

Е. Сизякинъ.